

Западной Армении огромную помощь. В декрете «О Турецкой Армении», подписанном В. И. Лениным 31 декабря 1917 г., требовалось «беспрепятственное возвращение в пределы Турецкой Армении насильственно выселенных во время войны турецкими властями в глубь Турции армян, на чем Совет народных комиссаров будет настаивать при мирных переговорах с турецкими властями»⁶. Большая масса беженцев-армян из Турции была размещена в Советской Армении, которая стала притягательным центром и обетованной землей для армян всего мира. За годы Советской власти сюда репатрировалось более 200 тысяч армян.

На примере армянского народа как нельзя более отчетливо проявляется, с одной стороны, политика капиталистических держав по отношению к судьбе маленького, поработанного народа, а с другой стороны — политика социалистического государства. Если турецкая реакция с помощью своих империалистических покровителей проводила политику подавления национально-освободительного движения армянского народа и стремилась решить Армянский вопрос путем полного уничтожения армян, то в трагические для армянского народа дни ему на помощь пришла страна социализма и протянула руку братства и дружбы.

Установление Советской власти в Восточной Армении стало светом надежды для многострадального народа. Здесь, на небольшой территории Армянской Советской республики, начал концентрироваться армянский народ, чтобы залечить свои кровоточащие раны и восстановить свою экономику

и культуру. В сборнике показано, как после Великой Октябрьской социалистической революции Советская Россия оказала армянскому народу неоценимую финансовую и экономическую помощь и не только спасла его остатки от полного физического уничтожения, но и помогла ему в подъеме его экономики и культуры. Если в 1920 г., после победы Советской власти в Армении проживало около 750 тысяч человек и это была страна беженцев и сирот, то теперь республика насчитывает более 3 миллионов человек. Если в 1920 г. в столице Армении Ереване проживало всего около 30 тыс. человек и они в большинстве своем жили в убогих глинобитных домах, то теперь в Ереване проживает более миллиона человек в благоустроенных домах и город славится современными архитектурными ансамблями.

А на территории Западной Армении ныне остались одни развалины армянских городов и сел, руины армянских монастырей, храмов и церквей, многочисленные кладбища и древние хачкары, которые устанавливали армяне по старому обычаю на могилах своих соотечественников.

Материалы сборника «Геноцид армян в Османской империи» ярко раскрывают природу и политику правителей Турции, природу и политику империализма, растоптанного мечты и чаяния угнетенного армянского народа, веками стремившегося к свободе и независимости, и одновременно показывают природу и политику социализма, возродившего обреченный на гибель народ и обеспечившего осуществление его мечты о свободе и независимости, о счастливой и радостной жизни.

Доктор ист. наук Г. С. АКОПЯН (Москва)

В. Х. БАГДАСАРЯН. *Проблема имплицитного*. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1983

Развитие целого ряда научных дисциплин, в том или ином аспекте изучающих процессы понимания текстов, отмечено в последние полтора десятилетия растущим осознанием того, что, если воспользоваться одной из многих сходных формулировок, «во всяком тексте, помимо эксплицитно выраженной информации, имеются самые разные виды имплицитной информации, кото-

рая не содержится в высказывании в явном виде и, тем не менее, имеется в виду говорящим и воспринимается слушающим»¹. С точки зрения логики научного

¹Е. В. Падучева. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении. — Научно-техническая информация. Сер. 2. 1981, № 11, с. 23.

развития признание этого является следствием общего усиления «герменевтических» начал в гуманитарных науках, пристального интереса к *проблеме понимания*², любая серьезная постановка которой неизбежно предполагает обращение к проблеме соотношения эксплицитного и имплицитного в тексте и в процессе его обработки³. В росте интереса к проблеме понимания находит свое выражение движение «эвристического маятника» научного поиска от установки на анализ непосредственно данного к установке на поиск глубинных, сущностных закономерностей⁴, однако не менее важную роль играет и то обстоятельство, что восходящая по крайней мере к Платону проблема понимания (и проблема соотношения эксплицитного и имплицитного как ее существенный аспект) приобретает ныне исключительную *практическую значимость*. Пренебрегая имплицитную сторону процесса понимания, невозможно ни адекватно описать, ни тем более оптимизировать общение между людьми, коллективами, между человеком и ЭВМ, потребность же в такого рода оптимизации очень велика. Среди тех

областей деятельности, в которых анализ имплицитного представляет собой важную практическую задачу, следует назвать преподавание неродных языков, разработку средств общения с ЭВМ на естественном языке, пропаганду и контрпропаганду, некоторые виды экспертной деятельности.

В этом плане в рецензируемой работе вызывает недоумение сама постановка проблемы: 130-страничное обсуждение видов, сфер и способов проявления имплицитного, его аналогов, постижения и т. д. ни в малейшей степени не приближает читателя к пониманию того, в чем же, собственно, заключается проблема, вынесенная в заглавие работы. Утверждая на с. 7, что «проблема имплицитного становится очевидной [?! — П. П.], когда мы ставим такие вопросы, как: что говорит данный человек и что он хочет сказать тем, что говорит; что он имеет в виду, что скрывается, что подразумевается под его словами» и т. п., автор апеллирует к *обыденному сознанию* читателя, к «наивным» языковым категориям и в дальнейшем не только не наполняет их теоретическим содержанием, но, напротив, постоянно снижает обсуждение затрагиваемых вопросов, многие из которых представляют несомненный интерес и широко дискутируются в литературе, до заданного в начале работы невысокого уровня. Попытки автора перевести изложение в теоретический план выглядят неубедительными и изобилуют непоследовательностями: так, на с. 5 говорится о том, что и эксплицитное, и имплицитное имеют свое языковое выражение, а на с. 6 — о том, что у имплицитного такого выражения может не быть; на с. 11 утверждается, что эксплицировать можно все, а на с. 12 это отрицается; на с. 34 автор усматривает отношение «эксплицитное/имплицитное» между понятием и его содержанием и объемом — и сам же делает (вполне справедливую) оговорку о неправомерности этого. Удивление вызывает тезис о том, что изучение эксплицитного (а эксплицитное, по выражению автора, «есть магистральная линия выражения мысли» — с. 6) не представляет собой научной проблемы: готов ли В. Х. Багдасарян подписаться, например, под утверждением о ненаучности традиционных грамматик и словарей? Число недоуменных вопросов легко умножить (см. также ниже).

² См. также на ряд последних публикаций: Г. И. Рузавин. Герменевтика и проблемы интерпретации, понимания и объяснения. — Вопросы философии. 1983, № 10; В. П. Филатов. К типологии ситуаций понимания. — Там же (в этих статьях рассматриваются преимущественно философские, психологические и исторические аспекты проблемы); В. А. Звегинцев. Искусственный интеллект и лингвистика. — Вопросы философии. 1983, № 11 (затрагиваются лингвистические аспекты проблемы в их связи с техническими); А. А. Ивин. По законам логики. М., 1983 (в этой научно-популярной книге предмет логики объясняется путем апелляции не к мышлению, как обычно, а к пониманию).

³ См., например: А. П. Назаретян. К вопросу об информационном анализе понимания текста. — Научно-техническая информация. Сер. 2. 1977, № 2; В. А. Звегинцев. К вопросу о природе языка. — Вопросы философии. 1979, № 11; Р. Шенк (и др.). Обработка концептуальной информации (пер. с англ.). М., 1980.

⁴ См. Ю. А. Шрейдер. Сложные системы и космологические принципы. — Системные исследования. М., 1975.

Подобного рода путаница представляется не случайной: за нею скрываются изоляция проблемы, как она ставится в книге, от того концептуального контекста, в котором она только и может быть сформулирована как предмет научного исследования, и, с другой стороны, недиалектический характер ее рассмотрения. Категории эксплицитного и имплицитного имеют смысл лишь в рамках некоторых представлений о коммуникации и прежде всего о понимании текстов (не обязательно вербальных), об опосредованных текстах процессах изменения имеющихся в сознании коммуникантов представлений. В этих процессах сложным и подлежащим исследованию способом взаимодействуют как сведения, явно представленные в тексте, так и имеющиеся у коммуникантов знания о мире, о динамике общения, о целях, ценностях и т. д., позволяющие им извлекать из текстов значительный объем информации, не содержащийся в них эксплицитно. При этом следует учитывать, что возможность извлечения из текста имплицитной информации связана не только со вскрытием авторской эзотерики, но и с учетом объективных свойств процессов построения и понимания текстов — таких, как линейная природа текста, консервативность его макроструктур, ограниченность человеческой памяти и др. Указанные свойства коммуникативного процесса и делают целесообразным введение на некотором уровне его описания диалектически связанных, не сводимых друг к другу и не мыслимых друг без друга категорий эксплицитного и имплицитного, вопрос о взаимоотношении которых естественно считать ядром проблемы имплицитного. Можно предположить, что именно это В. Х. Багдасарян и намеревался («имплицитно» — в его собственном понимании) сказать на с. 7—8, обращаясь для иллюстрации своих мыслей к различным сторонам и аспектам процесса общения, но так ни разу и не обозначив фундаментальную важность представления о нем для концепции имплицитного ясным и недвусмысленным образом — но на деле он лишь показал, что находится не в ладу как с диалектикой, так и с современным конкретно-научным знанием: первое — неспособностью к адекватной постановке проблемы, второе — многочисленными ошибками содержательного характера.

Впрочем, для того, чтобы усомниться в научной компетентности автора рецензируемой монографии, не обязательно даже вникать в ее содержание (см. ниже) — вполне достаточно уже самого беглого взгляда, чтобы убедиться в рудиментарности «первичных признаков научности» книги В. Х. Багдасаряна: концептуального и библиографического аппаратов. Первый практически отсутствует, что же касается второго, то автор, например, рассуждает (с. 25—27) о переносном употреблении слова, ничего не говоря о наблюдаемом ныне буме исследований по метафорике (работы М. Блэка, Дж. Серля, Н. Д. Арутюнов, Дж. Лакоффа и М. Джонсона и мн. др.); демонстрирует незнание основных положений теории референции и теории deixis (с. 27—30)⁵; абсолютно неизвестными, судя по всему (с. 30—34), остаются ему и теория пресуппозиций, на протяжении многих лет находящаяся в центре внимания логики и лингвистики⁶, логическая теория вопроса (с. 37—42), учение о фразовой логике (с. 36—37), бурно развивающаяся теория аргументации и обширный раздел политической науки, изучающий международные переговоры (с. 55—57)⁷. Обзор литературы по затрагиваемой в книге тематике, начинающийся с не соответствующего истине утверждения о том, что «проблема имплицитного все еще не удостоилась надлежащего научного исследования» (с. 16)⁸.

⁵ См., например: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Лингвистика и логика (проблемы референции). М., 1982.

⁶ См. Е. В. Падучева. Указ. соч.

⁷ См., в частности: *Argumentation, Approaches to Theory Formation* (E. M. Barth & J. L. Martens eds.). Amsterdam, 1982; *The Practical Negotiator* (I. W. Zartman & M. R. Berman eds.). New Haven—London 1982.

⁸ В дополнение к исследованиям указанных выше авторов, необходимо упомянуть специально посвященные проблеме имплицитного монографии: S. Tyler. *The Said and the Unsaid*. New York, etc., 1978; M. Polanyi. *The Tacit Knowledge*. New York, 1980; сборник *Mutual Knowledge* (N. V. Smith ed.). London, 1982; многочисленные исследования по «искусственному интеллекту», лингвистике текста, теории пропаганды, в которых поднимается воп-

не просто непредставителен, но откровенно случаен; попавшие в него два зарубежных словаря и знаменитая книга Дж. Остина, название которой неуклюже переведено «Как можно что-то делать словами», явно призваны лишь придать видимость знакомства с иностранной литературой.

Подобный имплицитизм по отношению к коллегам и предшественникам мог бы быть оправдан только одним: блестящими научными результатами. О таковых, однако, говорить не приходится: главы II «Сферы и способы проявления имплицитного» и III «Имплицитное и некоторые логические вопросы», занимающие три четверти объема книги В. Х. Багдасаряна и подлежащие, по-видимому, заключать ее основное содержание, изобилуют научно несостоятельными и внутренне противоречивыми положениями. Упомянем лишь наиболее очевидные из их числа. Усматривая отношение имплицитного и эксплицитного между сокращениями и аббревиатурами, с одной стороны, и полными формами соответствующих выражений — с другой, автор обращается к совершенно иному, нежели оговоренное им на с. 14, пониманию имплицитного — тому, в соответствии с которым форма выражения одного и того же содержания может быть более или менее эксплицитной (ср. восходящую к Г. Лейбницу и Р. Якобсону концепцию толкования как экспликации, развиваемую ныне А. Вежбицкой). При этом отношение «эксплицитное/имплицитное» или, точнее, «более эксплицитное/менее эксплицитное» устанавливается между различными выражениями одного содержания, тогда как В. Х. Багдасарян декларировал свою приверженность тому пониманию, согласно которому отношение «эксплицитное/имплицитное» устанавливается между различными содержаниями одного выражения. Никак не пытаясь выявить связь этих двух пониманий основного для оспускаемой темы концептуального противопоставления, автор демонстрирует неспособность эксплицировать свою собственную интуицию. Из предложения *Сергей также не сдал экзамена* (скажи сказать, двусмысленного без указания на ударность либо безударность *также*) при всем желании нельзя извлечь суждения *Не-*

которые другие сдали экзамен (с. 31). Неправоммерно считать, что использование эксплицитной информации в исторических исследованиях «не представляет особой трудности» (с. 33). Не выдерживает критики тезис о том, что «суждение *Сергей сдал экзамен* [с так наз. логическим ударением на предикате, — П. П.] означает то же самое, что и суждение *Только Сергей сдал экзамен*» (с. 36): у них различные условия истинности (ср. *Вы ошибаетесь. Сергей сдал экзамен. А также Андрей и Петя* и *Вы ошибаетесь. Только Сергей сдал экзамен. *А также Андрей и Петя*) и различная прагматика⁹. В высшей степени некорректно положение, согласно которому «вопрос совпадает с логическим ударением, собственно говоря, выступает как специфическая форма его реализации» (с. 41)¹⁰. Неправоммерно в общем случае считать, что чем больше человек знает, тем меньше спрашивает: утверждая это, автор, явно не желая того, лишней раз напоминает, что некритическое обращение к категориям статистической теории информации ведет к ошибочным выводам — некогда об этом предупреждал сам К. Шеннон, подчеркивая, что «при помощи нескольких магических слов, таких, как информация, энтропия... нельзя решить всех нерешенных проблем... Основные положения теории информации касаются очень специфического направления исследований»¹¹. Вызывает удивление сделанное безо всяких оговорок заявление о том, что «обыкновенный вопрос... может быть двух типов: чистый вопрос, например, *Что это такое?*, и уточнительный вопрос, например, *Сергей сдал экзамен, не так ли?*» (с. 39) — куда девались, в частности, общий и дизъюнктивный вопросы, выделяемые во всех типологиях, и каковы основания для разделения всего разнообразия типов вопросов на указан-

⁹ Подробнее см.: Т. М. Николаева. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

¹⁰ Вопрос и логическое ударение связаны с понятиями выбора и контрастивности, но автор никоим образом не вскрывает этого реального родства данных языковых категорий.

¹¹ К. Шеннон. Работы по теории информации и кибернетике (пер. с англ.). М., 1963, с. 667—668.

рос о соотношении эксплицитного и имплицитного в понимании текстов.

ные два, из которых последний периферичен, а первый непредставителен в качестве примера всех прочих типов? Своеобразное использование вопросительного знака в специальных вопросах, о котором говорится на с. 41, характеризует не армянский язык, а армянскую письменность.

Обыденное представление о расплывчатости и неопределенности языка дипломатии, повторяемое В. Х. Багдасаряном (с. 55—57), очень сильно огрубляет реальное положение вещей (об этом еще в 1716 г. писал один из пионеров исследования переговоров Ф. де Кальер, автор книги «О способах вести переговоры с монархами»¹²), а также игнорирует специфику современной, прежде всего советской, дипломатии¹³. Нельзя не отметить, что, приписывая языку дипломатии свойства, реально отличающие язык массовой коммуникации и пропаганды, автор прошел мимо важной и мировоззренчески значимой проблемы изучения средств и способов манипулирования общественным сознанием, применяемых в «психологической войне»¹⁴. Целый набор ошибок содержится в словах «в литературном произведении в принципе должно говориться одно, а подразумеваться другое, и это другое составляет его идейное содержание» (с. 64): неправомерна модальность долженствования, игнорируется диалектика сказанного и подразумеваемого, последнее в общем случае не тождественно идейному содержанию. Неуместен направленный против Н. И. Кондакова полемический пафос: В. Х. Багдасарян полагает абсурдным решение, при котором «почти все слова, по крайней мере все существительные [необходимо] считать предложениями», иронически замечает, что это «привело бы к целому перевороту в лингвистической науке» (с. 69); между тем как раз в лингвистической науке такой переворот давно уже произошел¹⁵. В связи с этим теряют смысл

и рассуждения автора об отличии атрибутивных и предикативных синтагм—их поверхностное различие столь же очевидно, сколь и глубинная предикативность. Вопросая, «мыслимо ли вообще, чтобы один и тот же закон был и логическим законом мышления и, одновременно, законом бытия» (с. 71), автор забывает о законах диалектики, а также обходит стороной вопрос об отражении бытия с его законами в сознании человека. Грубую логическую ошибку содержат слова автора о том, что «пропозициональная функция, в которой переменная замешена постоянной из предметной области, но без квантора, еще не становится высказыванием» (с. 81): в любом учебнике по логике можно прочесть, что замена переменной на постоянную как раз и является, наряду с навешиванием кванторов, одним из способов построения высказывания на основе пропозициональной функции. Высказывания *Андрей также поехал также в Ленинград. Кроме только Андрея все поехали*, на полном серьезе разбираемые на с. 87, не принадлежат русскому языку.

В целом неубедительной следует признать попытку В. Х. Багдасаряна разправиться с понятиями выделяющего, включающего и исключаящего суждений, а также с расширенной теорией силлогизма (расширенная теория силлогизма построена с учетом мнимой специфики выделяющего суждения» — с. 88), сведя их к конъюнкции эксплицитного и имплицитного компонентов по типу *Только Андрей сдал экзамен* (=) *Андрей сдал экзамен & [имплицитно] Другие не сдали экзамена*. Такой подход, в принципе, не лишен основания и реально широко применяется в лингвистической практике (ср. работы А. Вежбицкой, Л. Хэрна, Х. Альтмана, И. М. Богуславского), однако в логическом плане требует предварительного серьезного обсуждения. Сама по себе апелляция к имплицитному в данном случае правомерна, но еще ничего не объясняет — она становится действительной лишь при том условии, что исчислены *правила сопряжения* имплицитного и эксплицитного компо-

¹² См. Э. Сатоу. Руководство по дипломатической практике (пер. с англ.). М., 1947, с. 105.

¹³ См. А. Н. Ковалев. Азбука дипломатии. Изд. 4-е. М., 1984.

¹⁴ См.: Техника дезинформации и обмана. М., 1978.

¹⁵ Начало ему было положено известной работой: E. Bach. Nouns and noun phrases.—In: Universals in Linguistic Theo-

ry (E. Bach & R. T. Harms eds). New York, etc., 1968; однако можно проследить и более глубокие истоки соответствующих взглядов, сославшись на мысли Гегеля о диалектике понятия и теории.

ментов, не сводящихся в общем случае к простой конъюнкции, что и учитывается в лингвистических толкованиях (целое вообще, как известно, не сводится к сумме своих частей). Расширенная теория силлогизма в определенной форме способствует выявлению таких правил, и отрицать ее было бы уместно, лишь предлагая более адекватное описание в компонентных терминах. Автор рецензируемой книги такого описания не дает даже в виде фрагментов или проспекта, ограничиваясь ссылкой на (не всегда верно сформулированные) имплицитные компоненты. Аналогичным недостатком в целом страдает и раздел книги В. Х. Багдасаряна, посвященный критике разграничения между традиционным и аристотелевским силлогизмами, предложенного Я. Лукасевичем. Помимо ряда очевидных ошибок типа утверждений о том, что «правило вывода формулируется теперь [т. е. в современной логике, — П. П.] в виде импликации» (с. 106) — как раз во многом благодаря работам Я. Лукасевича в логике утвердилось разграничение правил вывода и импликации, или о том, что Аристотель индуктивное умозаключение называл силлогизмом (с. 108) — на самом деле для индуктивного умозаключения у Аристотеля имелся термин «наведение», этот раздел отличает стремление с помощью ряда, может быть, и не лишенных определенного резона, но не разработанных автором, не выходящих за пределы «обыденной» логики рассуждений разрешить сложнейшие логические и лингвистические проблемы, которым посвящена обширная литература, незнакомая автору.

Серьезные нарекания вызывают также формально-композиционная и стилевая стороны рецензируемого сочинения. Книга содержит большое число подаваемых с серьезным видом банальностей, а также ряд почти дословных повторений в различных своих разделах: ср. с. 30—32 и 86—87 (о смысле логических слов-операторов), с. 36—37 и 117—121 (о логическом ударении), с. 48—49 и 108—113 (об энтимеме). Стилистические недочеты книги в пору классифицировать. Во-первых, бросается в глаза неопределенность используемых выражений: «существуют еще отдельные замечания и мысли у отдельных авторов» (с. 16), «в этих работах можно еще найти интерес-

ные в этом отношении отдельные мысли» (с. 19), «кое-кто придумал» (с. 98) и т. п. Во-вторых, автор злоупотребляет гомилетическими рядами, громоздя близкие (и не очень близкие) по значению слова, дабы очертить не слишком хорошо представляемую им сущность¹⁶. Так, на с. 52—53 на протяжении всего двенадцати строк представлены следующие ряды: «функция, призвание, цель примера», «сделать [мысль] более доступной, определенной, конкретной, очевидной, понятной для адресата», «конкретизацией, уточнением [репрезентативности] являются правильность, удачность, меткость, характерность, само по себе ясность примера» (в последнем случае налицо и чисто языковые погрешности, далеко не редкие в книге). В-третьих, монография содержит выражения, резко выпадающие из общепринятого стиля научного изложения — ср., например, своеобразное заклинание «Даже не обязательно, чтобы была конъюнкция, даже лучше, чтобы не было конъюнкции» (с. 84) или часто повторяющееся определение «наши» (т. е. советские) — «наши логики» и т. п. Кстати, «нашим логикам» от автора достается: укоряя многих из них, а также (NB! — переведенного на русский язык) Я. Лукасевича в амбициозности и полемической некорректности, В. Х. Багдасарян в куда большей мере, чем большинство его оппонентов, отдает дань именно этим излишества, обещая, например, показать «настоящую роль логического ударения в составе суждения» (с. 118 — выше уже шла речь о том, насколько удачно это у него получается) или приписывая всем своим оппонентам — Г. А. Брутяну, Ш. Г. Адзешвили, Н. И. Кондакову, Р. З. Джиджяну, Я. Лукасевичу и др. — заведомо нелепые взгляды и с легкостью опровергая их. Полемическая некорректность, смыкаясь со слабой фундированностью работы, выливается в ряде слу-

¹⁶ Использование гомилетических средств, как известно (см. С. С. Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977), практикуется либо при недостаточном развитии концептуального аппарата науки, о чем применительно к тем разделам логики, которые затрагиваются В. Х. Багдасаряном, говорить не приходится, либо при слабом им владении.

чаев в использование без указания на источник чужих результатов—так, на с. 8 автор обращается к одной из существующих типологий контекстов, выдвинутой в 1961 г. Г. А. Брутяном¹⁷, никак не оговаривая авторство.

Завершая рецензию, целесообразно вернуться к вопросу о научной ценности рецензируемой книги. Таковую допустимо усматривать в том, что автор в какой-то мере привлекает внимание читательской аудитории к проблеме имплицитного. К числу положительных сторон монографии можно отнести—со всеми возможными оговорками относительно бесструктурности изложения—широту охвата сфер проявления имплицитного. В ряде случаев В. Х. Багдасарян высказывает довольно перспективные и в целом перекликающиеся с реальными научными проблемами соображения: таковы его замечания о роли лексического значения ряда слов естественно-го языка в передаче имплицитной информации (с. 32), об определенной условности принятого в традиционной логике изучения суждений в отрыве от контекста (с. 47), об имплицитных кванторах (с. 81)¹⁸.

¹⁷ См.: Известия Академии наук АрмССР. Общественные науки. 1961, № 5, с. 52.

¹⁸ Ср. в этой связи обсуждение прагматических переменных в статье: Е. В. Па-

К сожалению, отсутствие четкого категориального аппарата не позволяет подойти к этим идеям как к подлежащим обсуждению и проверке с точки зрения достоверности и оригинальности научным результатам. Книга же в целом оказывается в опасной близости от того края, за которым кончается наука. Обилие ошибок, некорректность полемических приемов и нечеткость в постановке проблем—действительно актуальных—едва ли позволяют рекомендовать книгу В. Х. Багдасаряна даже для первоначального ознакомления с затрагиваемой тематикой; не обладает книга и библиографической ценностью. В силу этого представляется уместным, подводя итог, высказать претензию в адрес ответственного редактора Г. А. Геворкяна и рецензента Р. Г. Авояна, рекомендовавших к изданию книгу, не отражающую современного уровня развития логико-философских и логико-лингвистических исследований в советской и мировой науке.

дучева. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения.— Научно-техническая информация. Сер. 2. 1979, № 9, с. 25.

П. Б. ПАРШИН (Москва)